
**ТЕМА НОМЕРА:
«ГОРИЗОНТЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ
БИМЕДИЦИНСКИХ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

DOI: [10.17805/ggz.2020.4.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.4.1)

Взгляд как философская проблема и клиническая реальность

О. В. Попова

Институт философии РАН, г. Москва

В статье исследуются различные этические аспекты проблемы взгляда. Показано, что философская традиция тематизации взгляда связана с особой рефлексией, спровоцированной ситуацией появления в поле зрения субъекта (Другого), заставляющего соотносить опыт присутствия в этом мире с позицией наблюдателя. Последний, являясь фактически судьей, вынуждает субъекта конституировать себя под чьим-либо пристальным взором. Тело, захваченное взглядом Другого, вызывает чувство утраты субъективности, а вместе с тем и свободы воли. Оно объективируется и низводится на уровень предметного мира, становится объектом манипуляции — тем, чем можно обладать и что можно использовать в своих собственных целях.

Развитие биомедицинских и информационных технологий открывает новые грани осмысления проблематики взгляда. С одной стороны, взгляд Другого формируется в пространстве клинической реальности, где экспертное знание врача определяет степень патологического состояния человеческой телесности. С другой, он дополняется «взглядом» технического устройства, позволяющего вынести вердикт об истинных причинах заболевания, которому может делегироваться полномочия эксперта.

Современная биотехнологическая революция приносит новые способы воздействия на биологию человека, а также новый способ взгляда на клиническое тело и видения биологической реальности сквозь призму биомедицинских технологий. Развиваются представления о клеточной, молекулярной, генетической идентичности человека. Трансформация клинического взгляда в эпоху биотехнологий приводит к широкому распространению представлений о лабильности человеческой природы, ее способности к бесконечным трансформациям: природу модифицируют в различных вариациях, конструируя новые образы биологической реальности. Взгляд фиксирует не просто данность природы, но ее заданность, способность стать проектом пластического хирурга — врача и художника в одном лице.

Кроме того, интенсивное развитие информационных технологий приводит к появлению цифровых репрезентаций человеческого тела. Информационные базы данных, которыми оперирует современная медицина (например, при существующих биобанках), имеют дело не с телесностью как таковой, но с ее информационной репрезентацией. Современность также поставила перед «философией взгляда» проблему «техновзгляда». Под ним подразумевается феномен приписывания технике (например, программному обеспечению, камерам, гуманоидным роботам) функции Другого (судьи, эксперта и т. д.), наблюдающего за человеком.

Ключевые слова: этика телесности; парадоксы телесности; техновзгляд; философия фотографии

View as a Philosophical Problem and Clinical Reality

O. V. Popova

Institute of Philosophy,

Russian Academy of Sciences, Moscow

The article explores various ethical aspects of the problem of the viewpoint. It is shown that the philosophical tradition of thematization of the view is connected with a special reflection provoked by the situation of appearance of the subject (the Other) in the field of vision. This subject compels us to correlate the experience of presence in this world with the position of the observer. The latter (being actually a judge) forces the subject to constitute themselves under someone's watchful eye. The body captured by the view of the Other causes a sense of loss of subjectivity and with that of freedom of will. It is objectivized and reduced to the level of the object world, becomes a manipulated object, something that can be possessed and used for one's own purposes.

The development of biomedical and information technologies opens up new facets of reflection on the issues of the view. On the one hand, the view of the Other is formed in the space of clinical reality, where the expert knowledge of the physician determines the degree of the pathological state of human corporality. On the other hand, it is supplemented by the "view" of a technical device which makes it possible to deliver a verdict on the real causes of the disease and can have expert authority.

The current biotechnological revolution brings new ways of influencing human biology and a new way of looking at the clinical body and seeing biological reality through the prism of biomedical technologies. Concepts of human cellular, molecular, and genetic identity are being developed. The transformation of the clinical view in the age of biotechnology leads to a wide dissemination of ideas about the lability of human nature, its ability to transform infinitely: nature is modified in different variations, constructing new images of biological reality. The view

captures not just the given nature, but its purposefulness, the ability to become a project of a plastic surgeon, a doctor and an artist rolled into one.

In addition, the intensive development of information technologies leads to the emergence of digital representations of the human body. Information databases used by modern medicine (for example, in existing biobanks) deal not with the corporeality as such, but with its information representation. In the modern world, there are notions about the body as a digital reality, code, a set of mathematical symbols. Modernity has also raised the problem of “technical view” before the “philosophy of the view”. The technical view implies the phenomenon of attributing the function of the Other (judge, expert, etc.) that observes a person to a technique (e.g., software, cameras, humanoid robots).

Keywords: ethics of corporeality; paradoxes of the body; technical view; philosophy of photography

ВВЕДЕНИЕ.

ВЗГЛЯД КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА И ВЗГЛЯД ДРУГОГО

Среднестатистический человек, как правило, проживает свою жизнь в паутине переплетений различных взглядов: косых, красивых, пустых, коллективных и единичных. Брошенный взгляд — это такое инобытие человеческого тела, которое как бы «размыкает» человека, заставляя его встрепенуться, выйти из состояния анонимности и обратить свой взор на Другого. Познание Другого является весьма сложным многоступенчатым процессом. Первоначально человек представлен взгляду Другого и, соответственно, видит Другого только в качестве тела. Однако эта внешняя сторона личности поразительным образом коррелирует с внутренним аспектом самопознания и понимания самого себя, никогда не ограничиваясь достоверностью познания телесного.

В этическом плане данная особенность человеческого восприятия представляется особенно интересной, поскольку устанавливает изначально неравноценность, неравновесность в познании себя и другого Я. Другой всегда познается иначе, чем Я сам. И это обусловлено его заданностью контурами тела, через которые он доступен лишь в акте познания, в то время как Я сам вынужден постоянно соотносить свой внешний образ (возникающий периодически) с тем внутренним эквивалентом, через который Я является самому себе. Инаковость Другого, воспринимаемого через контуры тела, возникшие перед брошенным на него взглядом, может формировать по отношению к нему амбивалентные мировоззренческие позиции, позволяющие и возвышать человека, и инструментализировать его для целей своего существования. Диапазон человеческих реакций — от пренебрежения до восхищения — неотъемлемо

связан с возможностью видеть человека и приносить в акт видения свою оценку.

Философская традиция тематизации взгляда связана с особой рефлексией, спровоцированной ситуацией появления Другого в поле зрения субъекта, что заставляет соотносить опыт присутствия в этом мире с позицией наблюдателя. Последний, являясь фактически судьей, вынуждает субъекта конституировать себя под чьим-либо пристальным взором. Тело, захваченное взглядом Другого, вызывает чувство утраты субъективности, а вместе с тем и свободы воли. Оно объективируется и низводится на уровень предметного мира, становится объектом манипуляции — тем, чем можно обладать и что можно использовать в своих собственных целях.

В этом случае речь может идти как о пристально смотрящих глазах ребенка, пробуждающих человеческие эмоции, так и о взоре собственной совести, принуждающей к моральному долгу. Именно Другой, воспринимаемый как тело, рассматривается как самость, аналогичная мне, в основном благодаря локализации и присутствию личностного во взгляде. Это создает возможность этического бытия-для-Другого, расшатывающего нарциссически структурированный собственный мир, заставляющий пошатнуть наши собственные самодостаточные онтологические основания.

В неопределенности существования мы не имеем возможности полностью объективировать свое тело: объективация возникает лишь там, где есть захваченность взглядом, где обнаруживает себя социальный фактор. В связи с этим субъект постигает свое собственное Я в его отличности от того образа, репрезентацию которого ухватывает весь «видящий» и «взирающий» социальный мир.

ФОРМИРОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ФИЛОСОФИЯ МЕДИЦИНСКОГО ВЗГЛЯДА

Клинический взгляд современной медицины особым образом проблематизировал телесность человека: тело предстает как инструментализируемый объект, которым можно успешно манипулировать с теми или иными целями, прежде всего направленными на восстановление здоровья пациента. С другой стороны, тело — это объект, который успешно входит в сетевую связь с другими объектами, с задачами и интересами различных стейкхолдеров. Оно прагматически и ценностно нагружено. В качестве объекта клинической реальности тело в эпоху развитого биокапитализма оказывается полем притяжения интересов бизнеса и политики, целенаправленной работы по управлению, контролю и экономическому воздействию.

Смена ракурса видения порождает новые образы тела и новые способы оценки клинической реальности. В медицине постоянно наблюдается онто-

логическое напряжение между «быть телом» и «иметь тело» — двумя фундаментальными модусами человеческого существования, выделенными еще Э. Фроммом (Фромм, 2010). Условно их можно обозначить как экзистенциальный и инструментальный. Медицина направлена на исследование частей тела, которые входят в большие целостности: клетка — составная часть ткани, ткань — органа и т. д. Переход от одного уровня к другому меняет образ тела, трансформируя порядок масштабирования (Мол, 2015, 2017). Проблема масштабирования охватывает не только телесность как биологический организм, но и социальное тело. С порядком масштабирования телесности в клинической реальности оказывается тесно связан порядок масштабирования сознания. Врач имеет дело как с множеством тел в пределах одного тела, так и множеством уровней сознательной деятельности, демаркация между которыми оказывается зачастую затруднена.

Проблема демаркации обусловлена, во-первых, наблюдающейся в клинической практике онтологической дисконтинуальностью сознания, иногда сопряженной с затруднениями, касающимися проведения жестких разграничительных линий между комой и диагнозом смерти мозга, вегетативным состоянием и минимальным сознанием. И, во-вторых, она определяется привнесением ценностной компоненты в формирование научного и клинического факта. К примеру, имеются исследования о том, как происходит констатация смерти мозга, — ее зачастую диагностируют не как случившийся факт, а на основании прогностического концепта, устанавливающего, что пациент неизбежно умрет, а потому его жизнь бесполезна.

Множество тел и множество уровней сознательной деятельности зачастую вносят путаницу в клинический факт. Но, кроме всего прочего, они создают поистине экзистенциальное напряжение. От проведения четких разграничительных линий между разными состояниями деятельности мозга зависит возможность инструментализации тела (так, при смерти мозга возникает возможность использовать органы для трансплантации).

Порядок масштабирования, характерный для клинического взгляда, может дарить существование и изымать его. При этом наблюдаются особые лингвистические игры, связанные с тем, какими именами мы наделяем находящееся в той или иной клинической реальности человеческое существо и какие клинические практики по отношению к нему мы можем допускать. В состоянии недоопределившегося онтологического статуса человек становится объектом манипуляции. Как справедливо замечает А. Мол, «труп с хрустящими артериями не меньше, чем целый пациент. Это не ингредиент, из которого состоят люди (добавь чуточку жизни и — человек готов). Нет, здесь мы имеем дело с двумя существами. Из одного извлекают, чтобы разрезать, органы. Другое существо наделяется человеческим достоинством, и с ним обращаются

уважительно. Его даже защищают от зрелища собственного вскрытия. Его личность, заключенная в лице, находится вне постоянного поля зрения патологоанатома» (Мол, 2015: 240).

Подчеркнем, что всякое представление о теле и сознании человека проходит через сложившиеся в рамках той или иной дисциплины концептуальные фильтры. Понятийно-категориальный аппарат способствует формированию определенных представлений об объекте исследования и одновременно ограничивает эти представления. Ученые и врачи становятся заложниками словаря своей дисциплины, именно поэтому возникают сомнения в возможности адекватного описания состояния тела и сознания, их схватываемости в рамках существующего научного знания и имеющихся технологий.

Способ описания клинической реальности оказывается тесно связан с развитием биомедицины. Так, в Новое время благодаря анатомическому театру Везалия человеческое тело оказывается в центре принципиально иной антропологической парадигмы, отражающей новую форму представлений о биологической реальности. Представления о человеческом теле отражались в таких «телесных» метафорах, как «фабрика человеческого тела» (Везалий), «совершенная машина», «автомат». Тело как механизм становится предметом рассмотрения медицинских теорий. Госпитальная революция XVIII в. с характерным для нее лишением сакральности больничных заведений формирует представления о «клиническом взгляде», а также о теле как о клиническом теле, состоящем из набора релевантных для врача характеристик, признаков и симптомов (см.: Jewson, 2009). Появление моргов и активная практика вскрытий позволяет выявлять причины смерти пациентов и способствует формированию нового объекта биологической реальности — патологических органов и тканей. В середине XIX в. при больницах учреждают клинические лаборатории, где проводятся исследования функционирования человеческого тела. Источником информации становятся жидкости человеческого тела и его ткани; их исследование позволяет моделировать патофизиологические процессы. В это время информацию начинают получать под пристальным взглядом в микроскоп, само «клиническое тело» пациента становится не так значимо, как результаты анализов и данные тестирования. Вслед за этим следует микробная революция конца XIX столетия, которая способствует становлению системы бактериологических лабораторий и обозначает новый этап в развитии клинического взгляда.

Современная биотехнологическая революция приносит человечеству новые способы воздействия на биологию человека и новый способ конструирования биологической реальности — с помощью биомедицинских технологий. Воздействие на человека стало осуществляться на клеточном, молекулярном, генетическом уровне. Возникает представление о своего рода

лабильности человеческой природы: ее модифицируют в различных вариациях, конструируя новые образы биологической реальности. Огромную роль в этом играют хранящиеся в биобанках биологические материалы. Как отмечает Д. В. Михель, «последняя из произошедших медицинских революций превратила биологическую реальность биомедицины в сеть изошренных дискурсивных и визуальных конструкций, практически непостижимых для неспециалиста» (Михель, 2014: 241).

Современный медицинский взгляд, с одной стороны, оказывается тесно связан с наблюдением за живым человеческим телом, а также с описанием симптомов вероятного патологического процесса. С другой стороны, он уже невозможен без методов медицинской визуализации, позволяющих дать представление о внутренних телесных процессах и патологиях и провести диагностику заболевания.

ФОТОГРАФИЯ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ДАННЫХ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

Медицинская визуализация данных во многом опирается на предшествующий ей исторический процесс развития практик фотографирования. Именно с фотографирования начался процесс объективации, который в определенном смысле стал решающим для появления современных отчаянных попыток создания «искусственного интеллекта»: «все “ментальные” функции, начиная с восприятия и до решения (“искусственный интеллект”), с этого момента становятся объективируемы, а значит, переносимы с человека на другие объекты» (Флюссер, 2009: 71; см. также: Flusser, 1994). Фотография запечатлела человека как некоторую информацию, отпечаток личности, который с развитием компьютерной техники все более обретал математическое абстрактное выражение и лишался субъективности, что ранее являлась детерминантой самого процесса фотографирования. Медицинский взгляд на человеческое тело также находился под влиянием этой тенденции.

Информационные базы данных, которыми оперирует современная медицина (например, при существующих биобанках), имеют дело не с телесностью как таковой, но с ее информационной репрезентацией. Тело, таким образом, виртуализируется. Создание цифровых баз данных стало неотъемлемой частью и одной из главных целей проведения исследований для геномики, биоинформатики, телемедицины и других областей знания. Базы данных тесно связаны между собой и образуют сеть цифровых репрезентаций человеческих тел.

История развития искусства фотографии — это история смены парадигм самопонимания. Если на заре развития фотографирования за аппаратом стоит субъект-фотограф, который манипулирует аппаратом, то в процессе машини-

зации процессов человеческой деятельности наличие субъекта становится помехой, поскольку он может исказить картину реальности. В связи с этим объективность безличных скрытых видеокамер и спутников (или, как в медицине, рентгена и МРТ) оказывается выше субъективности живого взгляда фотографа. Обращаясь к онтологии процесса фотографирования, к той форме, которую оно приняло в связи с процессом компьютеризации, следует отметить, что «не фотограф, а программист (проектировщик) аппарата понимается собственно как “производитель фотографий”; впредь больше не само восприятие, а проецирование восприятия есть творение [Kreative]. Это действительно для всех “ментальных” процессов» (там же). Фотография отражает процесс синтетического изготовления вещей из частиц. Современные виртуальные миры, заселенные обитателями всех поколений, рас и гендерных признаков, возникают как продолжение тенденции, заложенной практиками фотографирования: «...различение между образом и вещью, между фикцией и реальностью становится все менее оперативным, особенно там, где так называемая “реальность” — в смысле “воспринимаемый мир” — сама себя выставляет как произведенную на компьютере [Komputation]» (там же).

С момента своего появления фотография становится мерилем для формирования образа и берет на себя нормотворческую функцию. Фотография, как бы останавливающая течение времени, бросает вызов самому субъекту, заставляя оценивать себя самого с точки зрения разных возрастных периодов, различных житейских ситуаций и фактически с точки зрения различных Я. Человек, вглядываясь в собственный образ, рассматривает его «как сырье для собственных особенных “усовершенствований”, которые помогли бы ему изменить свою природу и дать выразиться своему другому “я”» (Мамфорд, 2001: 148). Таким же образом обстоит дело и с улучшениями в области медицины. Медицинская визуализация данных способствует генерации медицинских нормальных и патологических образов телесности, требующих медицинского вмешательства и усовершенствования. Кроме того, современное программное обеспечение, имеющее дело с визуализацией данных, способно вытеснить эксперта при необходимости постановки медицинского диагноза (ИИ способен диагностировать некоторые виды рака так же, как медицинские эксперты, а иногда и более точно).

Обратим внимание на еще один крайне важный аспект — связь визуального идеала человека, совершенных фотообразов и современной медицины. Формирование данной связи оказалось тесно переплетено со становлением современной пластической хирургии.

История развития фотографирования вызвала разрушением традиционного представления о различии между искусством и техникой. В. Флюссер, опираясь в своих рассуждениях на содержание идеала Ренессанса, раскрывает

его сущность следующим образом: развитие техники (к ней относятся оптика, химия, механика и другие дисциплины) обеспечивается научной теорией, а искусство в своей цели направлено на практику. Однако в том, что касается фотографирования, его телеология связана с созданием изображений, с той функцией, которая изначально была привилегией искусства. Фотографирование способно тиражировать уникальность в огромных масштабах и симулировать совершенство невозпроизводимого уникального произведения искусства совершенством доступных фотографических снимков. Противопоставление старого и нового искусства становится все более очевидным, как и очевидным становится противопоставление старого и нового человека. Старые картины отображали мир, в то время как новые направлены на проецирование того, чего еще нет, но что способно возникнуть. Новый субъект находится в состоянии постоянного проецирования, действующая сила его воображения направлена не столько на отображение реальности, сколько на проектирование возможностей, проектирование альтернативных миров (Флюссер, 2009: 72). В современную эпоху эта заложенная в далеком прошлом характеристика обретает новые очертания в контексте развития современных практик пластической (косметической) хирургии.

Косметическая хирургия прежде всего направлена на улучшение внешности человека, достижение канона красоты. При этом эстетическая хирургия далеко не всегда имеет дело с подогнанными под стандарты красоты человеческими телами: в одних случаях она устраняет явные дефекты внешности, а в других случаях усовершенствует, казалось бы, и без того совершенные тела, делая еще более соблазнительными те или иные телесные зоны привлекательности. Безусловно, значимую роль здесь приобретают транслируемые в современной культуре визуальные образы, фотостандарты красоты и эстетического совершенства. Цели эстетической хирургии могут быть как связаны, так и не связаны с восстановлением здоровья. Они всегда находятся под пристальным вниманием религиозных норм, социокультурных архетипов, юридических запретов и индивидуальных установок.

Идентичность пластического (косметического) хирурга множественна и далеко не всегда совпадает с классической идентичностью врача, она включает в себя разнообразные социальные роли — бизнесмена, художника, актера, врача, юриста. С многообразием идентичности тесно связаны представления о теле как объекте клинического взгляда. Человеческая телесность предстает одновременно и как объект искусства, и как продукт медицинских технологий. Она транслирует коды культуры соблазна и культуры киберосвобождения. Такая телесность все сильнее отчуждается от человека, воплощая идеал совершенной, безличной и математически просчитанной красоты. За современными практиками эстетического улучшения человека скрывается не толь-

ко и, возможно, не столько ориентация на удовлетворение индивидуальных потребностей в изменении параметров внешнего облика, на достижение привлекательности, атлетических навыков и т. д., сколько процесс жесткого нормирования и стандартизации, в контексте которого интересен не человек как таковой, но его вписанность в систему стандартов, обеспечивающих соответствие тому или иному канону красоты. В этом отношении эстетические технологии улучшения тела действительно направлены на элиминацию человеческого как тленного, несовершенного, преходящего, наполненного недостатками.

Процесс киборгизации эстетического идеала проявляется в нескольких тенденциях. К их числу можно отнести практику использования цифровых технологий (например, получившей широкое распространение программы Photoshop) в целях создания идеалов (идолов) красоты. Женщины не просто обретают новые лица и тела, но облачают себя в математические, а значит, постчеловеческие модели этих тел. Как пишет С. Юэн, «когда застывшие протогенные образы со страниц модных журналов или рекламных плакатов становятся образцами, по которым лепятся сами люди, наступает наивысшая степень отчуждения... Человек чувствует себя все неудобнее и неудобнее в своей собственной оболочке» (Ewen, 1988: 91; цит. по: Дери, 2008: 324). М. Дери в работе «Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков» очень точно замечает: «В переносном, поэтическом смысле художники-авангардисты уже применили постмодернистское цитирование к человеческой анатомии» (там же: 325). Действительно цифровые технологии предоставили виртуальную возможность манипуляции образами человека, а биомедицинские — осуществили реальный широко востребованный процесс бесконечной пластической модификации.

Конструирование и улучшение человека — практики, с которыми имеет дело современная индустрия красоты, — в своем основании глубоко математичны и деперсонализированы. Так, идеальные лица, заложенные в программное обеспечение пластических хирургов, фактически являются математическими матрицами, которые определяют внешний облик конкретного человека, улучшают его, стандартизируя. Новые эталоны красоты создаются благодаря программному обеспечению. Вот один из примеров: китайский художник Чжан Вэй использует в своем творчестве всем известную программу Photoshop и, опираясь на принципы компьютерной игры Artificial Girl 3, создает виртуальные портреты на основе соединения различных частей лиц известных личностей из мира моды, политики и бизнеса, вдохновляясь идеей, что неизвестные и известные люди и черты их внешности станут частями друг друга (Estrin, 2016). Работы Чжан Вэя отразили сущностные характеристики современной культуры, связанные с процессом бесконечного комбинирования элементов,

со своего рода игровым мутагенезом, порождающим множество форм на основе узнаваемых стандартов, заданных математикой и информационными технологиями. Художник имел дело с идеальными лицами (образцами) и их частями, заложенными в компьютерные программы. Лица и их части выступали кирпичиками, деталями, соединенными в немислимое целое компьютерными алгоритмами.

Другой не менее интересный пример представляет проект художницы Орлэн, занимающейся модификацией собственной внешности. В рамках проекта «Окончательный шедевр: реинкарнация святой Орлэн» она с помощью пластических хирургов, превращала свое лицо в легко узнаваемый артефакт, в котором отражались черты лиц знаменитостей. Фактически Орлэн использовала прием комбинации элементов внешности на основе информационных технологий: пластические хирурги имели шаблоны внешности знаменитостей на своих компьютерах. Нечеловеческий масштаб проекта был обусловлен не только фактором искусственности ситуации (моделирование внешности происходило под контролем загруженных в компьютер эстетических шаблонов), но и тем, что гибридная внешность Орлэн, с одной стороны, была сугубо индивидуальна, поскольку никто не решался на такого рода эксперименты, а с другой — абсолютно типична, отражая коллективное бессознательное современной культуры, клубок интенций, направленный не просто на улучшение человеческого тела, но на достаточно жестокое, болезненное обращение с ним и даже пренебрежение им.

И пример работ художника Чжан Вэя, и проект Орлэн стали показателем технологизации существующих идеалов красоты. В них отразилась тенденция, о которой прекрасно выразилась Н. Вульф:

Мы по-прежнему верим, что есть естественные рамки, которые ограничивают хирургию, то есть очертания «идеального» женского тела. Но этой грани больше нет. «Идеал» никогда не имел ничего общего с реальными женщинами, и отныне технологии могут позволить «идеалу» делать то, к чему он все время стремился: полностью отказаться от реального женского тела, чтобы клонировать лишь его мутации. Реальная женщина больше не является точкой отсчета.

В конце концов «идеал» полностью потерял человеческий облик. <...> Ежегодно 50 млн американцев смотрят конкурс красоты на звание «Мисс Америка». В 1989 г. пять конкурсанток... сделали пластические операции у одного и того же хирурга из Арканзаса. Женщины сравнивают себя друг с другом, и молодые люди сравнивают девушек и молодых женщин с новым поколением гибридных не-женщин (Вульф, 2013: 387–388).

Рассмотренные выше примеры влияния фотоискусства на конструирование идентичности, его связь с современным программным обеспечением и развивающимися биомедицинскими практиками визуализации отражают развитие такой тенденции, как *делегирование перфекционизма*. Мы можем утверждать появление данного вида делегирования постольку, поскольку он реально принуждает нас к определенной — совершенной с точки зрения потребителя продукта — деятельности. Это такая деятельность, которая подчиняется намерениям производителя технического устройства или программного продукта (например, функция панорамного снимка в фотоаппарате или улучшения лица, моделирования внешности в программе Photoshop). Догадка об этих намерениях иногда способна принять форму подозрения об автономности вещи, грозящей нам ужасом бунта вещей.

Современный процесс визуализации в сфере пластической хирургии в своей ориентации на массовое воплощение идеальных стандартов оказывается предельно эгалитарен. Эгалитарность фотографирования заключается в том, что его произведения (лишь за некоторым исключением) находятся за пределами сферы авторства. Фотографии без подписей, которыми наводнена пресса, реклама, социальные сети и иное информационное пространство, являют собой царство анонимности, безличное пространство, где автономия артефакта (фотоаппарата) и его «взгляд» замещают взгляд субъекта, вытесняя его и, по сути, подвергая забвению. В то же время такого рода тиражируемая анонимность производит эффект управления миром воплощенных образов. Пластически модифицированные тела, повторяющие одни и те же стандарты красоты, являют собой апофеоз эстетически и технологически выраженной безличности. Они наполняют собой как виртуальное, так и реальное пространство, сближая их между собой идеей сконструированных объектов и тиражируемых образов, уносимых в массы.

Естественное тело требует своего рода дооформления культурой. В случае если естественное преодолевается окончательно, сама культура способна обратиться в Ничто, в мир математических величин, направив функцию преодоления на саму себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современность поставила перед «этикой взгляда» новую проблему — проблему «техновзгляда». Под ним может подразумеваться феномен приписывания технике (например, гуманоидным роботам) функции Другого, наблюдающего за человеком. Кроме того, к техновзгляду можно отнести все те варианты использования техники, которые позволяют создавать новые образы человека посредством использования визуализации данных и создания

программного обеспечения, позволяющих моделировать виртуального человека, а впоследствии вживлять новые стандарты телесности (как упомянутые выше каноны красоты) в живую плоть конкретного человека. Новые представления о человеке формируются на основе сугубо редукционистского подхода.

Техновзгляд вносит фактор дезинтеграции в человеческое существование и в восприятие клинической реальности. «Быть-увиденным-другим» — например, роботом или программой — означает быть схваченным как объект мира, как вещь, подлежащая оценке и взвешиванию через погружение в мир математических символов и кодов. Вместе с тем «быть-увиденным-другим» является возможностью, способной пробудить в Другом моральную реакцию. Именно поэтому сейчас так популярна цифровая медицинская деонтология и набирают популярность различные фитнес-трекеры, электронные устройства с медицинским предназначением, которые позволяют отслеживать показатели здоровья и заставляют менять образ жизни, параметры и внешние способности. Математика задает не только критерии красоты, но формирует цифровые аналоги пространства должного.

Быть-увиденным-другим в клинической реальности означает, кроме всего прочего, еще и возможность очевидного прагматического подхода к человеческому телу. Инструментализация тела в контексте развития системы органного донорства — одна из сторон этого процесса. Она несет гуманистический посыл.

С другой стороны, телесность, ее части и биоматериалы становятся объектом купли и продажи. Коммерческая стоимость телесных «активов» — неотъемлемая характеристика развития современной биомедицины и источник прибыли биотехнологических компаний — зачастую прикрывается альтруистическими лозунгами о необходимости «жертвы» (донорства) биоматериалов. Тело все чаще рассматривается не только как объект научной и медицинской инструментализации, но и как инструмент экономических манипуляций, т. е. как ликвидный товар, который можно успешно обменять на деньги на рынке биоматериалов.

Усложняющаяся биомедицинская реальность привносит коррективы и в социальный мир. Формирующиеся в контексте развития современных технологий новые аспекты клинического взгляда становятся аттрактором для конструирования сложной противоречивой этики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вульф, Н. (2013) Миф о красоте: стереотипы против женщин / пер. с англ. А. Графовой, Т. Графовой. М. : Альпина нон-фикшн. 445 с.

Дери, М. (2008) *Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков* / пер. с англ. Т. Парфеновой. Екатеринбург : Ультра. Культура ; М. : АСТ. 478, [2] с.

Мамфорд, Л. (2001) *Миф машины. Техника и развитие человечества* / пер. Т. Азаркович, Б. Скуратова. М. : Логос. 416 с.

Михель, Д. В. (2014) *Биомедицина как культурная система: краткий обзор медико-антропологических представлений // Гуманитарные ориентиры научного познания : сб. статей. К 70-летию Б. Г. Юдина / отв. ред. П. Д. Тищенко. М. : Навигатор. 351 с. С. 236–243.*

Мол, А. (2015) *Множественное тело* / пер. с англ. И. В. Напреенко // *Социология власти. Т. 27. № 1. С. 232–247.*

Мол, А. (2017) *Множественное тело: онтология в медицинской практике* / пер. с англ. Пермь : Гиле Пресс. 250 с.

Флюссер, В. (2009) *О проецировании* / пер. с нем. М. Степанова // *ХОРА. № 3/4 (9/10). С. 65–76.*

Фромм, Э. (2010) *«Иметь» или «быть»* / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М. : АСТ ; Астрель. 314 с.

Estrin, J. (2016) *Elvis, Madonna and Mao: Exploring identity in China* [Электронный ресурс] // *The New York Times. June 23. URL: <http://lens.blogs.nytimes.com/2016/06/23/elvis-madonna-and-mao-exploring-identity-in-china/>* [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 25.06.2020).

Ewen, S. (1988) *All consuming images: The politics of style in contemporary culture. N. Y. : Basic Books. xi, 306 p.*

Flusser, V. (1994) *Vom Subjekt zum Projekt: Menschwerdung. Bensheim : Bollmann. 284 S.*

Jewson, N. D. (2009) *The disappearance of the sick-man from medical Cosmology, 1770–1870 // International Journal of Epidemiology. Vol. 38. Issue 3. P. 622–633. DOI: [10.1093/ije/dyp180](https://doi.org/10.1093/ije/dyp180)*

Дата поступления: 10.07.2020 г.

REFERENCES

Wolf, N. (2013) *Mifo krasote: stereotipy protiv zhenshchin [The beauty myth: How images of beauty are used against women]* / transl. from English by A. Grafova and T. Grafova. Moscow : Alpina non-fiction. 445 p. (In Russ.).

Dery, M. (2008) *Skorost' ubeganiia: kiberkul'tura na rubezhe vekov [Escape velocity: Cyberculture at the end of the century]* / transl. by T. Parfenova. Ekaterinburg : Ul'tra. Kul'tura Publ. ; Moscow : AST Publ. 478, [2] p. (In Russ.).

Mumford, L. (2001) *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva [The myth of the machine: Technics and human development]* / transl. by T. Azarkovich and B. Skuratov. Moscow : Logos Publ. 416 p. (In Russ.).

Mikhel, D. V. (2014) Biomeditsina kak kul'turnaia sistema: kratkii obzor mediko-antropologicheskikh predstavlenii [Biomedicine as a cultural system: A brief overview of the medical and anthropological concepts]. In: *Gumanitarnye orientiry nauchnogo poznaniia [Humanitarian guidelines of scientific cognition]* : A collection of articles. To the 70th anniversary of B. G. Yudin / ed. by P. D. Tishchenko. Moscow : Navigator Publ. 351 p. Pp. 236–243. (In Russ.).

Mol, A. (2015) Mnozhestvennoe telo [The body multiple] / transl. from English by I. V. Napreenko. *Sotsiologiya vlasti*, vol. 27, no. 1, pp. 232–247. (In Russ.).

Mol, A. (2017) *Mnozhestvennoe telo: ontologiya v meditsinskoj praktike [The body multiple: Ontology in medical practice]* / transl. from English. Perm : Gile Press. 250 p. (In Russ.).

Flusser, V. (2009) O proetsirovani [Vom Projizieren] / transl. from German by M. Stepanov. *HORA*, no. 3/4 (9/10), pp. 65–76. (In Russ.).

Fromm, E. (2010) «Imet'» ili «byt'» [*Haben oder Sein / To Have or to Be?*] / transl. from German by E. M. Teliatnikova. Moscow : AST Publ. ; Astrel' Publ. 314 p. (In Russ.).

Estrin, J. (2016) Elvis, Madonna and Mao: Exploring identity in China. *The New York Times*, June 23. [online] Available at: <http://lens.blogs.nytimes.com/2016/06/23/elvis-madonna-and-mao-exploring-identity-in-china/> [archived in [Way-backMachine](#)] (accessed 25.06.2020).

Ewen, S. (1988) *All consuming images: The politics of style in contemporary culture*. New York : Basic Books. xi, 306 p.

Flusser, V. (1994) *Vom Subjekt zum Projekt: Menschwerdung*. Bensheim : Bollmann. 284 S. (In Germ.).

Jewson, N. D. (2009) The disappearance of the sick-man from medical Cosmology, 1770–1870. *International Journal of Epidemiology*, vol. 38, issue 3, pp. 622–633. DOI: [10.1093/ije/dyp180](https://doi.org/10.1093/ije/dyp180)

Submission date: 10.07.2020.

Попова Ольга Владимировна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-90-67. Эл. адрес: J-9101980@yandex.ru

---

Popova Olga Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Head of the Sector for Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, Goncharnaya St., 12, 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-90-67. E-mail: J-9101980@yandex.ru

Для цитирования:

Попова О. В. Взгляд как философская проблема и клиническая реальность [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 4. С. 3–18. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1305> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2020.4.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.4.1)